

Матяш С.А.

Оренбургский государственный университет
E-mail: klklsb@yandex.ru

СТИХОТВОРНЫЕ ПЕРЕНОСЫ (ENJAMBEMENTS) Н.М. КАРАМЗИНА И ПРОБЛЕМА РЕЦЕПЦИИ СТИХОВЫХ ФОРМ

В статье излагаются результаты впервые проведенного исследования стихотворных переносов (enjambements) Н.М. Карамзина в аспектах частотности и структуры. В качестве фона рассматриваются предшественники и современники Карамзина: В.К. Тредиаковский, М.В. Ломоносов, А.П. Сумароков, Г.Р. Державин, М.Н. Муравьев, И.И. Дмитриев. Выявление и описание переносов всех перечисленных поэтов сделано по методике автора статьи. Частотность и структура переносов Карамзина и других авторов анализируется с дифференциацией по десятилетиям (80-е, 90-е гг. XVIII века, 800-е, 10-е гг. XIX века).

Контекст предшественников (классицистов) и современников (сентименталистов) показывает новаторство Карамзина: переносов у него больше, чем у тех и других, переносы по структуре разнообразнее.

Рассмотрение переносов Карамзина в диахроническом плане и с проекцией на фон позволило выявить характер рецепции поэтом-основателем русского сентиментализма опыта предшественников-классицистов. Исследование показало, что новаторские поиски поэта происходят на начальных этапах творчества, а сближение с предшественниками – на более поздних. Многократные обращения Карамзина к оде говорят о том, что Карамзин-сентименталист не отбросил традиции беспереносного стиля классицистов и в разные периоды творчества этому стилю следовал.

Ключевые слова: Карамзин Н.М., Тредиаковский В.К., Ломоносов М.В., Державин Г.Р., Муравьев М.Н., Дмитриев И.И., стиховедение, стихотворный перенос, enjambement, структура и функции переноса, история русского стиха, рецепция стиховых форм.

В современной филологической науке общепринятым является тезис В.В. Виноградова, что работа основателя русского сентиментализма Н.М. Карамзина в области синтаксиса «поистине грандиозна» [1, с. 50]. Изучение этой грандиозной работы ведется, как правило, на материале прозы¹, а не на материале поэзии. Во всяком случае, интересующее нас такое ритмико-синтаксическое явление как стихотворный перенос (enjambement – далее **enj**) до сих пор, насколько нам известно, применительно к Карамзину не рассматривалось ни лингвистами, ни литературоведами.² Едва ли не единственное упоминание **enj** Карамзина было в нашей работе [5], где строфический перенос поэта фигурировал в статистической таблице в качестве общего фона для истории строфического переноса в русской поэзии. В настоящей статье переносы Н.М. Карамзина – предмет специального исследования. Мы поставили цель – выявить все переносы поэта, проанализировать их (в син-

хроническом и диахроническом срезе) в аспектах частотности и структуры. Кроме того мы намереваемся установить характер рецепции Карамзиным-стихотворцем опыта предшественников. Понятно, что для Карамзина, основателя сентиментализма, и его соратников (М.Н. Муравьева, И.И. Дмитриева) предшественниками были поэты-классицисты (В.К. Тредиаковский, М.В. Ломоносов, А.П. Сумароков). Г.Р. Державин, вступивший в русскую поэзию на десятилетие раньше Карамзина, был для него и предшественником, и современником.

С учетом обозначенных целей к исследованию был привлечен следующий материал: *Карамзин Н.М.* – в объеме полного собрания стихотворений в издании [6] – 8367 строк; *Тредиаковский В.К.* в объеме «Избранных произведений» [7] 10392 строки³; *Ломоносов М.В.* – «Оды похвальные», «Разные стихотворения» в издании [9] – 5227 строк; *Сумароков А.П.* –

¹ См., например, основательную проработку вопроса в статье И.И. Ковтуновой [2].

² См. зафиксированные данные в персональном библиографическом словаре [3] и в собрании обобщающих работ по писателю [4].

³ Наши статистические данные по **enj** Тредиаковского, привлекаемые в настоящей работе в качестве фона для стиха Карамзина, ранее были опубликованы [8]. Переносы остальных поэтов выявлены и описаны специально для настоящего исследования.

«Оды торжественные», «Оды духовные», «Оды разные», «Разные стихотворения» в издании [10] – 2610 строк; *Муравьев М.Н.* – «Разные стихотворения», «Оды оригинальные, оды переводные (из Горация)» в издании [11] – 3092 строки; *Дмитриев И.И.* – «Лирические стихотворения» (оды), «Разные стихотворения», «Чужой толк», «Модная жена» в издании [12] – 1526 строк; *Державин Г.Р.* в полном объеме «Стихотворений» издания [13] – 9899 строк.

Частотность переносов. В обследованных нами 186 произведениях⁴ (8367 строках) Карамзина выявлен 161 перенос⁵, что составляет около 2 % (1,92 %). Для сравнения укажем, что у знаменитого современника Карамзина – Г.Р. Державина суммарный показатель частотности **enj** – 1,6 %, а у его соратников М.Н. Муравьева и И.И. Дмитриева аналогичные показатели (соответственно) – 1,0 % и 1,6 %. В поэзии классицистов переносов было еще меньше – менее процента у Ломоносова и 0,2 % – у Сумарокова. Как видим, сдержанное употребление переносов для XVIII в. было типично. На обрисованном фоне Карамзин предстает стихотворцем, применяющим **enj** достаточно активно.

Отмеченная частотность переносов Карамзина – это теоретически два переноса на 100 строк текста. Но в действительности у рассматриваемого поэта картина иная. Из 186 его стихотворений **enj** появляется в 54, т. е. примерно в одной трети произведений, тогда как две трети обходятся без них. Зато среди 54 произведений с переносами только 17 имеют по одному переносу, 11 – по два, остальные – три и более. Максимальное количество **enj** – 17 – в «Послании к женщинам», 1795. Поскольку частотность **enj** конкретных текстов зависит, понятно, от их величины (объема), максимальную частотность у Карамзина имеет стихотворение философского плана «К самому себе», 1795, где в 57 строках

появляется восемь переносов (14 %). Высокую частотность имеют также «<К отечеству>» («Из повести «Афинская жизнь»»), 1793 (11,1 %), «Анакритические стихи А.А. Петрову», 1788 (11,0 %), «Доволен я судьбою...» (из двойчатки «Две песни»), 1794 (9,4 %), «Часто здесь в юдоли мрачной...», 1787 (9,1 %), «Из юных нимф ее дочь Тамеса, Лодона...», <1790–1791> (8,2 %), «Приношение грациям», 1793 (6,8 %), «Странность любви, или бессонница», 1793 (6,4 %), «Надежда», 1796 (5,0 %).

Первое стихотворение Карамзина «Часто здесь в юдоли мрачной...» написано в 1787 году, последнее («Не сон ли жизнь и здешний свет?») – в 1825. Таким образом, поэт писал стихи на протяжении 38 лет. Интенсивность поэтического творчества была разной. Более двух третей стихотворных строк (67,9 %) написано в 90-е годы (причем самый плодотворный период – первая половина 90-х годов – около 40 % всего написанного); в дальнейшем интенсивность творчества сокращается: на 800-е годы приходится 16 % текстов, на 10-е – только 5,0 % и на 20-е – 0,4 % (написано всего пять стихотворений, дающих в сумме 30 строк). Сокращение поэтического творчества связано с переходом Карамзина на работу историка, но важно отметить, что полностью стихотворчество им не было оставлено.

Частотность переносов в диахронии дает следующую картину. В 80-е годы, когда начинается поэтическое творчество Карамзина, переносы составили 2,2 % (20 **enj** на 900 строк). Далее, в первой половине 90-х годов, частотность увеличивается до 2,4 %, достигая своего максимума; во второй половине 90-х она резко падает (1,1 %), затем, в 800-е годы, вновь поднимается (2,2 %), но максимума первой половины 90-х не достигает. Далее, в 10-е годы, показатель **enj** снижается до 1,2 %, в 20-е годы переносов нет совсем. Отсутствие у Карамзина определенной тенденции к увеличению или уменьшению частотности переносов не является уникальным. Аналогичную картину мы отмечали у Тредиаковского [8], волнообразная кривая частотности у Державина. Заслуживает внимания другой факт: частотность **enj** в 80-е годы, показатель которой превышает среднестатистический. Если иметь в виду, что отсутствие **enj** (или минимальное их количество) мы считаем приметой стиха класси-

⁴ В основном корпусе «Полного собрания стихотворений», подготовленного Ю.М. Лотманом [6], по которому проведено наше исследование, зафиксировано 160 произведений. В ряде случаев в этом издании под одним номером помещено несколько текстов («Эпитафии», «Две песни», «Два сравнения», «Надписи на статую Купидона» и др.), которые мы квалифицировали как самостоятельные произведения.

⁵ Переносы выявлялись по методике автора статьи. См. [14].

цистов, то показатель **enj** 80-х годов говорит об особенностях рецепции опыта предшественников-классицистов: Карамзин сразу отталкивается от этого опыта. Для сравнения приведем пример другой рецепции на основании аналогичных статистических данных. У современника Карамзина Державина среднестатистический показатель частотности переносов 1,6 %, максимальный – 2,9 % – во второй половине 90-х годов. Но начинается Державин с минимума: 1,4 % – в 70-е годы, 1,2 % – в 80-е, 0,9 % – в первой половине 90-х. Сравнив диахронию частотности **enj** двух поэтов, можно сделать вывод, что рецепция опыта предшественников у них полярная: Державин сначала следует традиции предшественников, а потом только противостоит этой традиции, Карамзин сразу выступает как новатор.

Структура переносов. В стиховедении выделяется три вида переносов, существующих в русской поэзии: слоговые, строчные, строфические. Слоговых переносов у Карамзина (как и у других поэтов XVIII века) нет. Строфический перенос один. Он выявлен в стихотворении одического плана «Дарования», 1796; экспрессивный строфический **enj** возникает между 29 и 30 строфами:

<.....>
 На вас взирают все народы:
 Победа или смерть!» Умрем –

Умрем, или победа с нами!
 <.....>⁶

В результате разведения на два 10-стишия лексического повтора простого сказуемого в осложненной форме «Умрем-умрем». Паузу при разрыве поэт усиливает знаком тире. (Ср. аналогичный лексический повтор на строке в его «Военной песне», 1788: «Умри, умри, России враг!»). Все остальные переносы Карамзина – строчные, представляющие ритмико-синтаксическую структуру из двух строк – «верхней» (где начинается фраза) и «нижней» (где фраза заканчивается).

Структурные особенности строчных переносов Карамзина охарактеризуем по следую-

⁶ Текст цитируется по изданию [6]. Здесь и далее слова, попадающие в перенос, подчеркиваются.

щим параметрам: типы переносов; клаузулы верхней строки, словоразделы в нижней строке; словный интервал между синтаксически связанными по вертикали словами, разорванными переносом; набор и частотность синтаксических связей (по вертикали).⁷

Типы enj. У Карамзина функционируют три типа переносов: **rejet – r** («И птички в радостной свободе / Поют: «будь весел, улыбнись!»); **contre-rejet – c-r** («Что хочешь делать? Обливаться / Рекою горьких, тщетных слез?»); **double-rejet – d-r** («А ты стоишь с унылым взором, / С душою мрачной?... Ободришь / И вспомни, что бывал ты прежде <...>»). (Все приметы из стихотворения «К самому себе», 1795). По суммарным данным соотношение **r: c-r: d-r** у Карамзина равно 11,2: 60,9: 27,9, то есть значительно преобладает тип **c-r**. В поэзии Тредиаковского мы обнаружили первенство **d-r (r: c-r: d-r enj Тредиаковского 17,6: 37,6: 44,8)**, а у Ломоносова – первенство **c-r** (соответствующее соотношение равно 29,7: 56,8: 13,5). Русские стихотворцы пошли за Ломоносовым: практически у всех поэтов XVIII в. и у большинства поэтов последующих веков преобладает тип **c-r**. Карамзин (возможно, учитывая опыт Тредиаковского, а возможно, и независимо от него) в сравнении с Ломоносовым увеличивает тип **d-r**. Его соратники тоже увеличили этот тип (Муравьев – до 23,3 %, Дмитриев – до 41,9 %), но у обоих (особенно у Муравьева) оказался плохо разработанным тип **r**, в то время как Карамзин мог создавать очень эффектные переносы этого типа («Давно ль еще, о незабвенный / Суворов! <...>» – «Его императорскому величеству Александру I»).

Диахронический срез анализа показывает, что тип **c-r** преобладал во всех периодах, кроме второй половины 90-х гг., когда его частотность упала до 34,6 % и он уступил первое место типу **d-r**, доля которого выросла до 38,5 % в этом периоде. Типы **r** и **d-r** набирали силу постепенно. Показатель **d-r** всегда (кроме 800-х годов) был выше показателя **r**.⁸

⁷ Из перечисленных параметров в стиховедении традиционно применяется один – тип переносов. Остальные предложены автором статьи. См. [15] и др.

⁸ Этот вывод не подтверждает «постулат стихотворного переноса, провозглашенный стиховедами смоленской школы, согласно которому стихотворных переносов типа **r** (смоленские стиховеды используют аббревиатуру **P**) больше, чем **d-r** (PKP). См. [16, с. 82], [17, с. 222].

Клаузулы (окончания) верхней строки. Из 56 произведений, в которых выявлены переносы, только в одном (богатырской сказке «Илья Муромец», 1794) окончания дактилические (Д).⁹ Во всех остальных – мужские (М) и женские (Ж). Соотношение М: Ж: Д равно 33,5: 65,2: 1,2, что свидетельствует о том, что переносов с мужскими клаузулами («Почто, почто, мой друг, не век / Обманом счастлив человек?») в два раза меньше, чем переносов с женскими («И вижу ясно, что с Платоном / Республик нам не учредить <...>»). (Оба примера из «Послания к Дмитриеву», 1794). Самый высокий показатель М (42,2 %) оказался в типе **d-r**, а самый низкий (28,6 %) – в типе **c-r**. В **enj** соратников Карамзина женских клаузул (по суммарным показателям) также больше мужских, но разница показателей не так велика, как у Карамзина: у Муравьева М: Ж равно 45,0: 55,0, у Дмитриева – 41,7: 58,3. По рассматриваемому параметру переносам Карамзина оказываются очень близкими переносы Державина, у которого равно М:Ж равно 35,9:64,1.

В диахронии число женских клаузул в **enj** постепенно, но неуклонно сокращается, а число мужских возрастает от 20,0 % в 80-е годы до 43,3 % – в 800-е. В 10-е годы всего пять переносов, но и они с 60 % М подтверждают общую тенденцию.

Словоразделы в нижней строке. Если клаузулы верхней строки маркируют оставленную часть фразы и, следовательно, рассматриваются во всех трех типах **enj**, то словоразделы нижней строки, маркирующие перенесенную часть фразы, рассматриваются только в двух типах **r** и **d-r**. В переносах Карамзина выявлены словоразделы: мужские – **м** («Внимай: Эротов друг с веселием поет / Счастливую любовь <...>»), женские – **ж** – («Как первый человек, нечаянно вкусив / Плод сочный», вдруг и глад и жажду утолив <...>»), дактилические – **д** («<...>

⁹ Дактилические окончания «Ильи Муромца», так же, как и 4-стопный хорей, которым написана «богатырская сказка», являются приметами народного стиха, в котором, как известно, нет переносов. Тем не менее, в «Илье Муромце» мы выявили два случая появления **enj** («Рыцарь понял, что красавица / без свидетелей желает / нарядиться юным витязем.»; «Нет, не долго: раскрываются / полы светло-голубой ставки <...>»), что может свидетельствовать о наложении фольклорных и книжных традиций в сознании поэта.

В любви ж всегда мы ею / И сами счастливы, и счастье даем <...>»). (Все примеры из стихотворения «Протей, или несогласия стихотворца»). Соотношение **м: ж: д** в переносах Карамзина равно 69,8: 27,0: 3,2, что говорит о том, что мужских словоразделов в два с половиной раза больше, чем женских (в типе **r** в два раза, в типе **d-r** – в три раза). Для сравнения приведем аналогичные данные по переносам современников Карамзина. Соотношение **м: ж: д** у Муравьева – 50,0: 37,5: 12,5, у Дмитриева – 53,8: 30,8: 15,4, у Державина – 57,8: 29,7: 12,5. Как видим, в переносах всех поэтов словоразделы нижней строки чаще мужские, чем женские. Более высокий показатель **м** выступает своеобразной компенсацией низких показателей **М** верхней строки. Статистика говорит о том, что степень преобладания **м** над остальными словоразделами у поэтов разная. Из приведенных данных очевидно, что Карамзин–стихотворец маркирует перенесенную часть фразы с помощью **м** чаще своих современников.

В связи с рассматриваемым параметром структуры переносов обратим внимание, что у Карамзина и других поэтов выявлено несколько случаев дактилических словоразделов (один – у Муравьева, два – у Карамзина и Дмитриева, восемь – у Державина). Подобные словоразделы были экзотикой в русской поэзии. У Ломоносова они не выявлены, в поэзии пушкинской традиции они появлялись крайне редко до тех пор, пока их функционирование не было продемонстрировано драматическим стихом «Орлеанской девы» В. Жуковского и «Бориса Годунова» А. Пушкина. Появление **д** в переносах поэтов XVIII в. – весьма примечательно.

Анализ словоразделов в диахроническом срезе показывает, что маркировка Карамзиным перенесенной части фразы мужским завершением началась сразу, в 80-е годы, и далее эволюция шла в обратном направлении эволюции мужских клаузул верхней строки: мужские словоразделы сокращались (80-е – 100 %, 90-е первая половина – 71,0 %, 90-е вторая половина 64,7 %, 800-е – 57,1 %, 10-е 50 %). Выявленная в диахронии эволюция подтверждает наш тезис, выдвинутый в синхроническом срезе анализа, что мужские словоразделы перенесенной части фразы своеобразно компенсируют женские клаузулы оставленной части.

Словный интервал между синтаксически связанными по вертикали словами, разорванными переносом, может быть нулевым («<...> Не дерзаю / Оправдывать себя <...>»¹⁰ – «К неверной», 1796) или равным одному – двум словам («Memento mori! Велегласно / На балах станем восклицать <...>» – «Исправление», 1797; «Нежный друг! С тобою вместе / Для блаженства я живу.» – «Творение», 1801), реже – трем словам («Безумен славы раб! Безумен, кто судьбе / За сей кимвальный звон отдаст из доброй воли <...>» – «Протей, или несогласия стихотворца», 1798). На данном этапе исследования все выявленные интервалы мы объединяем в две группы: нулевой интервал обозначает связи контактные (к), все остальные (как правило, это 1–2-сложные) означают связи дистантные (д). По суммарным данным, в переносах Карамзина соотношение **к**: д равно 52,2: 47,8, то есть в переносах стихотворца преобладают контактные связи, но преобладание это не сильное. Более резкое (в три раза!) преобладание контактных в типе **d-r** и еще более резкое (в пять раз!) – в типе **r**. Снижают суммарный показатель переносы типа **c-r** (их, как мы помним, у поэта большинство), в которых почти в два раза (64,3 %) больше дистантных связей.¹¹

Контекст современников дает следующую картину. Контактные связи преобладают у всех рассматриваемых современников Карамзина: у Муравьева **к** составляют 56,7 %, у Дмитриева – 66,7 %, у Державина – 67,3 % (у последнего **к** больше даже в типе **c-r** – 57,6 %). Контекст показывает отличительную особенность переносов Карамзина в данном объекте: у него больше, чем у других стихотворцев, дистантных связей (по суммарному показателю и – особенно – по показателю в типе **c-r**). В XIX в. с легкого преобладания дистантных связей в **enj** будет начинать Пушкин.

¹⁰ Курсивом здесь и далее маркированы слова, с которыми перенесенные (или оставленные) слова образуют синтаксическую связь.

¹¹ Среди **enj** Карамзина с дистантными связями функционируют три переноса, в нашей терминологии, «затяжных» [18], с разросшимся словным интервалом и занимающих не две строки, как обычно, а три и более («Алина», «Послание к женщинам», «Лилея»). В «Алине» «затяжной» перенос имеет словный интервал в семь слов, а вся структура занимает четыре строки: «Неблагодарные! Зачем / В жару любви нетерпеливой / И в исступлении своем / Вы небо смертью оскорбили?»

Диахронический анализ переносов Карамзина в рассматриваемом аспекте показывает, что предпочтение стихотворцем тех или иных связей возникает волнообразно. В 80-е годы, на начальном этапе у него было равновесие **к** и **д**, но в первой половине 90-х годов началось увеличение **к**, достигшее кульминации (61,5 %) во второй половине десятилетия, затем, в 800-е годы, берут верх дистантные, оставляя контактными только 40,0 %. Пять **enj** 10-х годов дают опять повышение **к**, которое как бы прогнозирует тенденцию к повышению контактных в переносах следующего столетия.

Набор и частотность синтаксических связей (по вертикали). Анализируя переносы Карамзина в данном аспекте мы, как и во всех других исследованиях **enj** русской поэзии, опирались на иерархию синтаксических связей, разработанную М.Л. Гаспаровым и Т.В. Скулачевой [19], и использовали предложенную этими учеными аббревиатуру.

Согласно нашим данным, у Карамзина в переносах широкая палитра синтаксических связей: 10 из 11 теоретически учитываемых (нет только **enj** с разрывом сочинительных связей – **Сч**; такие переносы вообще крайне редки в русской поэзии). Широкой палитрой синтаксических связей Карамзин резко отличается и от своих предшественников, и от современников. У классициста Ломоносова только шесть связей. Соратники Карамзина по сентиментализму также дают в данном аспекте более скромную картину: у Муравьева – семь связей, у Дмитриева – восемь. Такое же количество связей, как у Дмитриева, мы выявили у Державина.

При диахроническом рассмотрении набора связей в переносах Карамзина видно, что полный набор связей приходится на первую половину 90-х годов – период, как отмечалось выше, самый интенсивный у поэта, имеющий максимальный показатель частотности **enj**. Уменьшение частотности в последующих периодах сопровождается сокращением набора связей.

Статистические данные по пропорциям синтаксических связей показывают, что у Карамзина первое место делят связи сверхсильные, с разрывом глагольного сказуемого, – **Св** («Мечом махнули, полетели / В забаву умерщвлять людей...») («Послание к Александру Алексеевичу Плещееву», 1794) и связи с до-

полнением косвенным – **Дк** («<...> Ах! я мечтал / О тихой пристани, покое» – «К добродетели», 1802), на долю которых приходится по 18,6 %. На третьем месте с небольшим отрывом (14,9 %) – связи предикативные – **Пр** («Знайте также, что она / Не Венера красотой <...>» – «Странность любви, или бессонница», 1793), четвертое-пятое места также с небольшим отрывом (13,7 %) занимают обстоятельственные связи – **Об** («<...> на кроткой, нежной лире / Играть, ты поешь о сладостях любви?» – «К Мелодору», 1795, и дополнительные с прямым дополнением – **Дп** («Тени милые! Храните / Место подле вас друзьям!» – «Берег», <1802>). Далее в порядке убывания идут связи между однородными членами – **Од** («<...> Ободришь / И вспомни, что бывал ты прежде <...>» – «К самому себе», 1795); определительные, с несогласованным определением – **Оп'** («Мне ль порхать бабочкой, в надежде / Другую более любить?» – «К ней», 1794); определительные с согласованным определением – **Оп** («Ах! во Франции невеста / Дорогая ждет меня!» – «Граф Гваринос», 1789); подчинительные связи – **Пч** («Спросили медиков: узнали, / Что яд Алина приняла...» – «Алина», <1790–1791>); связи при обособлении – **От** («Себя хвалами величало, / Вещая: «Властвует судьба!» – «Освобождение Европы и слава Александра I»), на долю которых приходится – соответственно – 8,7 %, 5,0 %, 3,1 %, 1,9 %, 1,2 %. Приведенные статистические данные говорят о том, что более 80 % синтаксического репертуара **enj** Карамзина составляют пять сильных синтаксических связей – **Св, Дк, Пр, Дп, Од** (из сильных связей в число частотных не попадают **Оп**). При этом примечательно отсутствие большой разницы в частотности перечисленных типов: снижение частотности происходит постепенно. Подобные пропорции, равно как и наличие в репертуаре слабых связей (**От, Пч**), свидетельствуют о разноплановости исканий стихотворца Карамзина в разработке техники переносов.

Для большей наглядности своеобразия переносов Карамзина в данном аспекте приведем данные контекста. У классициста Ломоносова лидируют (32,5 %) связи **Об** (занимающие у Карамзина, как мы отметили выше, только пятое место), на втором месте **Пр** (24,3 %). Как видим, между двумя лидерами значительная

разница показателей. Еще больше различие между лидерами и оставшимися четырьмя видами связей – **Дп** (13,5 %), **Дк, Св** (по 10,8 %), **Оп** (8,1 %). У Державина – те же лидеры (**Об** – 32,1 %, **Пр** – 17,3 %), с еще большим отрывом **Об** от всех остальных. У соратников Карамзина Муравьева и Дмитриева сохраняется приверженность предшественников к связям **Об** (особенно у Дмитриева) и **Пр** (в переносах обоих поэтов **Пр** удерживаются на втором месте). Отмеченная выше скромная (в сравнении с Карамзиным) палитра связей объясняется отсутствием связей **Од** (у Муравьева) и слабых связей **От** и **Пч** у обоих поэтов.

Диахронический анализ рассмотренного материала показывает, что отмеченные в синхронии пять лидеров, как правило, сохраняются на протяжении всего творчества, но в разные периоды меняются местами. Так, по суммарному показателю самые частотные **Св** занимают первое место в 80-е годы и в первой половине 90-х; занимающие второе место **Дк** сохраняют это место в 80-е гг. и первой половине 90-х, а во второй половине 90-х прорываются на первое место, оттеснив **Св**, которые стали довольствоваться третьим местом; занимающие по суммарному показателю третье место **Пр** становятся первым лидером в 800-е годы. Такие перемещения лидирующих связей говорят об отсутствии застывших ритмико-синтаксических клише в **enj** Карамзина, о постоянных поисках поэта и стихотворца новых ритмико-синтаксических ходов. В целом проведенный анализ синтаксических связей показывает новаторство Карамзина, которое выражается в скромной доле **Об** (эти связи не лидируют ни в одном периоде), культивировании дополнительных связей (особенно **Дк**), разработке **Св**, которые в русской поэзии получают развитие только в XIX веке – у Жуковского и его последователей.

Как видим, проанализированные в синхронии и диахронии структурные особенности переносов во многом подтверждают тезис о характере новаторства Карамзина, отмеченном выше при интерпретации диахронии частотности **enj**: новаторство поэта было с первых шагов, что, в свою очередь, связано с особенностями рецепции опыта предшественников (сближение с предшественниками не на ранних, а на более поздних этапах творчества). В связи с послед-

ним возникает закономерный вопрос о том, в каких жанрах могло быть это сближение.

Как уже отмечалось [20], при публикации своих стихотворений Карамзин не придерживался свойственной классицизму жанровой рубрики. Однако жанровое сознание поэта не было разрушено, о чем говорят многие жанровые номинации в заглавиях и подзаголовках его произведений. Среди стихотворений Карамзина, которые он для «эпатирования сторонников старых вкусов» [21, с. 162] назвал «безделками», много жанров, которые относятся к «легкой поэзии»: триолеты, эпиграммы, надписи, imromptu (экспромты) и др., однако среди «безделок» сентименталиста Карамзина оказались и оды – произведения главного жанра классицистической поэзии. В связи с этим возникают естественные вопросы – какое место занимает ода в поэзии Карамзина и следует ли основатель сентиментализма канону классицистической оды, созданному Ломоносовым?

Для ответа на поставленные вопросы мы сопоставили статистические данные по частоте и структуре **enj** 20 «од похвальных» (4670 строк) Ломоносова и 11 похвальных од (1924 строки) Карамзина.¹²

Согласно статистическим данным, которые выше мы отчасти использовали, оды Ломоносова являют собой типичный малопереносный стиль поэта-классициста: частотность **enj** 0,8 %. Соотношение трех типов переносов **r: c-r: d-r** равно 29,7: 56,8: 13,5, то есть преобладает **c-r**,

на втором месте с существенным отрывом **r**, тип **d-r** сильно отстает. В верхней строке **enj** дактилические клаузулы отсутствуют (их вообще нет в одах Ломоносова); соотношение **М: Ж** равно 24,3: 75,7 (оставленная в верхней строке часть фразы имеет преимущественно женские клаузулы). В нижней строке (типов **r, d-r**) дактилических словоразделов нет, соотношение **м: ж** равно 81,3: 18,7 (обилие мужских словоразделов уравнивает обилие женских клаузул). Преобладают контактные связи (их 62,2 %). Из выявленных шести видов синтаксических связей лидируют связи **Об, Пр, Дп**, на долю которых – соответственно – приходится 32,5: 24,5: 13,5 %, четвертое-пятое места делят **Св** и **Дк** (по 10,8 %). Иллюстрацией этих данных можно считать переносы: «Молчу заслуги, что недавно / *Чинила* царска мне любовь» – «Ода в торжественный праздник высокого рождения Иоанна Третьего 1741 года» («Как ежели на римлян *злился* / *Плутон*, являя гнев и власть <...>» – «Ода на прибытие императрицы Елизаветы Петровны из Москвы в Санкт-Петербург 1742 года по коронации».

В одах Карамзина частотность **enj** 1,2 %, соотношение типов **r: c-r: d-r** равно 21,7: 74,0: 4,3; соотношение клаузул **М: Ж** верхней строки – 43,5: 56,5, а словоразделов нижней строки **м: ж** – 66,7: 33,3 (дактилические клаузулы и дактилические словоразделы отсутствуют); преобладают (56,9 %) дистантные связи; из девяти видов связи лидируют **Пр, Од, Св**, на долю которых приходится – соответственно – 26,1; 17,5; 13,0 %, четвертое и пятое места занимают **Дк** (13,1 %), **Об** (8,7 %). Иллюстрацию этих данных дают переносы: «Уже мы знали, что владетель / Отцом людей *обязан быть* <...>» – «Освобождение Европы и слава Александра I»; «Глупец *считает* всех друзьями / *И мнит*: «Меня ли не любить?» – «Гимн глупости».

Как видим, в одах Карамзина переносов в полтора раза больше, чем в одах Ломоносова, однако надо иметь в виду, что показатель **enj** в его одах почти в два раза меньше среднестатистического, а это может означать, что Карамзин учитывает одический канон, созданный Ломоносовым.¹³ Об этом свидетельствует и ре-

¹² Среди 11 стихотворений, квалифицируемых нами как ода, только четыре имеют жанровую номинацию оды («Ода на случай присяги московских жителей Павлу Первому», 1796) и ее жанровых модификаций («Песнь божеству», 1793, «Песнь воинов», 1806, «Гимн глупцам» 1802). Остальные стихотворения включены нами в корпус од по следующим критериям: 1) типичная для похвальной оды тема: восшествие на престол («Его императорскому величеству Александру I на восшествие его на престол», 1801), коронация («На торжественное коронование ... Александра I», 1801), победа («Освобождение Европы и слава Александра I», 1814); 2) высокий адресат – царствующая особа: Екатерина II («К Милости», 1792), Павел I и Александр I (названные выше стихотворения), а также олицетворенные река («Волга», 1793) и добродетель («К Добродетели», 1802); 3) комплиментарный стиль обрисовки адресата; 4) славянизмы и эмоциональный синтаксис – риторические вопросы и восклицания – («Дарования», 1796); 5) стихотворная форма: 4-стопный ямб равнострочический (все перечисленные тексты, исключение составляет только 4-стопный ямб вольного рифмования «Волги»).

¹³ В одах соратников Карамзина по сентиментализму частотность переносов также снизилась – до 0,7% у Муравьева и до 0,5% у Дмитриева. От дальнейшего

зультат сопоставления данных по важнейшему параметру структуры – соотношению типов **enj**. Как мы помним, по суммарным данным у Карамзина второе место занимал тип **d-r**, существенно обгонявший **r**. В одах показатель **r** в два раза возрос, а показатель **d-r**, напротив, резко (в шесть раз!) снизился, за счет чего переносы Карамзина стали типологически ближе переносам Ломоносова. О близости структуры одических переносов двух поэтов свидетельствует также близость показателей синтаксических связей **Пр**, частотных у обоих поэтов. Индивидуальность карамзинских **enj** в одах проявляется в значительно более низких показателях клаузул **Ж** верхней строки¹⁴ в преобладании дистантных связей, в большем, чем у Ломоносова, наборе связей, в скромной доле **Об**, остающихся на пятом месте (у Ломоносова они на первом).

Оды Карамзина писались с 1792 по 1814 гг., то есть Карамзин обратился к жанру оды не в раннем периоде творчества (80-е годы), а в зрелом (90-е), когда уже создал произведения в жанрах сентиментальной лирики и внежан-

рассмотрения структуры этих авторов мы отказались ввиду мизерности материала (в одах Муравьева девять переносов, в одах Дмитриева – четыре).

¹⁴ Тенденция к сокращению женских клаузул в одах Карамзина особенно наглядна при сравнении показателей **Ж** в одических **enj** обоих поэтов с показателями **Ж** в их одах (в целом). У Ломоносова в переносах **Ж** 75,7%, тогда как в его одах – только 56,8%. У Карамзина такого контраста нет: его аналогичные показатели – 56,5 и 54,3.

ровые стихотворения, многие из которых отличаются осязательным функционированием переносов. В одах Карамзин явно перешел на малопереносный стиль классицистов. Этот стиль продолжал культивироваться им и в последующие периоды.

Подводя общий итог предпринятому статистическому анализу и частным наблюдениям, сделаем следующие выводы.

1. Хотя показатель частотности **enj** Карамзина скромный (около 2%), выявленные факты неравномерного появления переносов, их скопления в отдельных текстах свидетельствуют об осознании Карамзиным-стихотворцем художественных возможностей этого приема.

2. Контекст предшественников (классицистов) и современников (сентименталистов) показывает новаторство Карамзина: переносов у него больше, чем у тех и других, переносы по структуре разнообразнее.

3. Диахронический срез анализа материала выявляет характер рецепции Карамзиным опытов предшественников: новаторские поиски поэта, означающие отталкивание от опыта предшественников, происходят на начальных этапах творчества, а сближение с предшественниками – на более поздних. Многократные обращения Карамзина к оде говорят о том, что Карамзин-сентименталист не отбросил традиции беспереносного стиля классицистов и в зрелые периоды творчества этому стилю следовал.

10.11.2016

Список литературы:

1. Виноградов, В.В. Основные этапы истории русского языка / В.В. Виноградов // Избранные труды. История русского литературного языка. – М.: Наука, 1978. – С. 10–64.
2. Ковтунова, И.И. Карамзин в истории русского литературного синтаксиса / И.И. Ковтунова // Исследования по славянской филологии: сб. памяти В.В. Виноградова. – М.: Наука, 1974. – С. 153–160.
3. Н.М. Карамзин: биобиблиографический указатель / Сост. И.И. Никитина, В.А. Сукайло. – Ульяновск, 1990. – 177 с.
4. Карамзин: pro et contra: личность и творчество Н.М. Карамзина в оценке русских писателей, критиков, исследователей. – СПб, 2006.
5. Матяш, С.А. Строфический перенос в русской поэзии: (вопросы теории и истории) / С.А. Матяш // Славянский стих VIII: стих, язык, смысл. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 192–210.
6. Карамзин, Н.М. Полное собрание стихотворений / Н.М. Карамзин; вступ. ст., подгот. текста и примеч. Ю.М. Лотмана. – М.-Л.: Сов. писатель, 1966. – 424 с.
7. Третьяковский, В.К. Избранные произведения / В.К. Третьяковский; вступ. ст. и подгот. текста Л.И. Тимофеева; примеч. Я.М. Строчкова. – М.-Л., 1963. – 577 с.
8. Матяш, С.А. «Мерзкие» переносы Третьяковского / С.А. Матяш // В.К. Третьяковский: к 300-летию со дня рождения. – СПб: РАН, 2005. – С. 114–134.
9. Ломоносов, М.В. Избранные произведения / М.В. Ломоносов; вступ. ст., сост., примеч. А.А. Морозова; подгот. текста М.П. Лепехина и А.А. Морозова. – Л.: Сов. писатель, 1986. – 560 с.
10. Сумароков, А.П. Избранные произведения / А.П. Сумароков; вступ. ст., подгот. текста и примеч. П.Н. Беркова. – Л.: Сов. писатель, 1957. – 607 с.
11. Муравьев, М.Н. Стихотворения / М.Н. Муравьев; вступ. ст., подгот. текста и примеч. Л.И. Кулаковой. – Л.: Сов. писатель, 1967. – 386 с.
12. Дмитриев, И.И. Полное собрание стихотворений / И.И. Дмитриев; вступ. ст., подгот. текста и примеч. Г.П. Макогоненко. – Л.: Сов. писатель, 1967. – 502 с.

13. Державин, Г.Р. Стихотворения / Г.Р. Державин ; вступ. ст., подгот. текста и общая ред. Д.Д.Благого; примеч.В.А.Западова. – Л.: Сов. писатель, 1957. – 470с.
14. Матяш, С.А. Еще раз о проблеме выявления стихотворных переносов / С.А. Матяш // Вестник Оренбургского гос. университета. – 2015. – №11. – С. 26–33.
15. Матяш, С.А. К истории и типологии стихотворного переноса / С.А. Матяш // Славянский стих: Лингвистическая и прикладная поэтика. – М., 2001. – С. 172–186.
16. Романова, И.В. О некоторых особенностях поэтического синтаксиса И. Бродского / И.В. Романова // Вестник Оренбургского гос. университета. – 2006. – №11. – С. 81–87.
17. Баевский, В.С. Синтаксический перенос (enjambement) от Шекспира до Бродского: онтологический аргумент и статистические модели / В.С. Баевский, М.Л. Новикова, И.В. Романова // Славянский стих. VIII: стих, язык, смысл. – М., 2009. – С. 218–232.
18. Матяш, С.А. Структура «затяжных» стихотворных переносов А.С. Пушкина / С.А. Матяш // Вестник Оренбургского гос. университета. – 2013. – №11. – С. 6–12.
19. Гаспаров, М.Л. Статьи о лингвистике стиха / М.Л. Гаспаров, Т.В. Скулачева. – М., 2004. – С. 182–190.
20. Кочеткова, Н.Д. Поэзия русского сентиментализма. Н.М. Карамзин. И.И.Дмитриев / Н.Д. Кочеткова // История русской поэзии в двух томах. – Т.1. – Л.: наука, 1968. – С. 163–187.
21. Осетров, Е.И. Три жизни Карамзина / Е.И. Осетров. – М.: Современник, 1985. – 302 с.

Сведения об авторе:

Матяш Светлана Алексеевна, профессор кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета, доктор филологических наук, профессор 460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, e-mail: kklksb@yandex.ru